

**Злата Лилина
"Мэй Раддмил"
2 часть**

Злата Лилина

Мэй Раддмил. Часть 2.

«Автор»

2026

Лилина З.

Мэй Раддмил. Часть 2. / З. Лилина — «Автор», 2026

Продолжение истории Мэй Рэддмил погружает читателя в мир, где магия сплетается с самыми искренними и хрупкими чувствами. Отношения Мэй и Варфоломея, едва успевшие расцвести, теперь проходят суровую проверку на прочность: на их пути встают не только внешние угрозы, но и тёмные тайны прошлого, способные разрушить всё, что им дорого. Преграды, возникающие перед героями, становятся всё опаснее: древние проклятия, интриги могущественных магов и роковые предсказания грозят разлучить влюблённых навсегда. Но именно в эти мгновения Мэй и Варфоломей учатся по-настоящему слышать друг друга и понимать, что их связь — не просто чувство, а сила, способная менять реальность.

© Лилина З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Остатки прошлого	5
Глава 2. Возвращение Варфоломея	9
Глава 3. Окутанный тьмой	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Злата Лилина

Мэй Раддмил. Часть 2.

Глава 1. Остатки прошлого

Прошло две недели спустя....

В ночь на субботу, накануне Хэллоуина, Мэй приснился кошмар, от которого у неё перехватило дыхание. Ей приснился Варфоломей. Он стоял посреди туманного кладбища в своём строгом чёрном сюртуке и шляпе-цилиндре. Но его фигура больше не была величественной. Шея мужчины была уродливо, неестественно свёрнута набок — именно так, как Герард сломал её своей туфлей в ту роковую ночь во дворе Статимэд. На его бледной щеке чернел глубокий след от раны, словно его мёртвую плоть в сырой могиле у озера уже начали грызть черви. Вся белая рубашка под сюртуком была залита тёмной, запекшейся кровью. Но самым страшным были его глаза. Склеры — белки глаз — стали зловеще, кроваво-красными, а по центру горели пронзительные, неестественно синие зрачки. Он медленно протянул к ней свою холодную руку в порванной перчатке и произнёс своим глубоким, треснувшим голосом-кларнетом:

— Мэй... Я ведь любил тебя...

Девочка резко вздрогнула и проснулась в холодном поту. Сердце бешено колотилось под ночной сорочкой, в которой она снова спала. За окном выл холодный осенний ветер, срывая последние листья. Мэй прижала руку к груди. Слова из сна — «Я ведь любил тебя» — тяжёлым камнем легли на её душу. Был ли этот приворот действительно лишь мстью, или Варфоломей под конец действительно полюбил свою названую сестру? Но времени на слабость не было.

Сегодня наступило тридцать первое октября. Праздник Хэллоуина. И сегодня была суббота. Для всего остального мира Варфоломей Раддмил был жив. Мэй и Ями проявили поразительную для своего возраста хладнокровность. Они притворились, что всё в порядке, и ни словом не обмолвились о смерти опекуна. Ученица прекрасно понимала: если полиция узнает о гибели Варфоломея, их с Ями немедленно разлучат и снова отправят в тот жуткий приют, в котором они были, где находили эти мерзкие девчонки. Используя свою вернувшуюся, окрепшую тёмную магию, Мэй наложила на учителей Статимэд, полицию и даже на директора Оливию мощнейший морок — заклинание ментального внушения. Теперь в умах всех окружающих Варфоломей оставался живым, дееспособным опекуном, который просто уехал по срочным делам похоронного бюро в другой город. Все послушно верили её словам, даже не пытаясь задавать лишних вопросов.

Поскольку наступили выходные, Мэй и Ями, как обычно, отправились на карете в поместье Клотильды. Но теперь всё изменилось. В огромном, жутком особняке больше не было хозяина-гробовщика. Мэй, которой исполнилось всего шестнадцать лет, полностью прибрала власть к своим рукам. Она управляла всем в доме. Она больше не была испуганной сиротой — она стала истинной госпожой этого тёмного замка.

Её беспрекословно слушались все. Молчаливый слуга Михаэль и странная художавая служанка Хлоя теперь склоняли перед ней головы с ещё большим почтением и затаённым страхом, чем перед Варфоломеем. Они видели её разноцветные глаза — левый зелено-карий и правый небесно-голубой — и понимали, что в этой девочке проснулась древняя, безжалостная сила Раддмилов.

Даже связанная в своей комнате Риза, безумная мать Варфоломея, затихала, когда Мэй проходила мимо её двери, шурша своим вельветовым подолом и кутаясь в чёрную шаль. Этим праздничным вечером Хэллоуина Мэй сидела в гостиной у камина. На её коленях свернулся Чернобог, огромный кот Бегемот дремал у её ног, а верный пёс Грэй преданно положил голову

на колени Ями. Мальчик тихо рисовал что-то в альбоме, наконец-то чувствуя себя в безопасности под защитой сестры.

Мэй смотрела на огонь, держа в руках старый молитвенник отца Адама. Она выжила. Она стала главой семьи. Но зловещий образ Варфоломея со свёрнутой шеей из её ночного кошмара по-прежнему стоял перед её глазами. Праздник мёртвых только начинался, и юная ведьма чувствовала, что эта ночь преподнесёт им новый сюрприз.

Днем, перед тем как в поместье спустились хэллоуинские сумерки, Мэй в сопровождении преданного Герарда отправилась в город. Валерия осталась в поместье приглядывать за Ями, но именно она помогла подруге составить карту и найти это место. Их целью был таинственный собор Преображения Господня.

Это было колоссальное сооружение в чистейшем готическом стиле. Его темные каменные шпили, казалось, разрывали серые облака, а узкие витражные окна пропускали внутрь лишь тусклый, мертвенный свет. Внутри величественного Собора царили леденящая прохлада, полумрак и тяжелый, удушливый запах ладана и старого воска. Это была уединенная обитель монахов, живущих по строгим древним уставам. Герард шел рядом с Мэй, его ярко-зеленые кошачьи глаза настороженно осматривали темные ниши Храма, а правая рука лежала на рукояти скрытого под курткой ножа. Он оберегал её, чувствуя, как слаба она еще после проклятия. Мэй, одетая в свое вельветовое платье и укрытая черной шалью, подошла к одному из служителей. Монах, представившийся отцом Рафаилом, был статным мужчиной с суровым лицом и глубоким, тихим голосом, и черной суровой бородкой, свойственной всем священнослужителям.

- Отец Рафаил, - негромко произнесла школьница, устремив на него свои разноцветные глаза, - мы ищем сведения об отце Адаме, который когда-то служил в вашей обители.

Лицо монаха мгновенно помрачнело, а в глазах промелькнула тень старого страха и осуждения. Он перекрестился.

- Отец Адам... — тихо произнес Рафаил. — Да, я лично знал его много лет назад. Он был великим человеком, проводил сложнейшие отчитки, изгонял бесов и лечил безнадежно больных. Люди тянулись к нему со всех окрестностей. Но... сила искусила его. Чуть позже его с позором выгнали из нашей обители.

- Почему? — прищурилась Мэй.

- Он переступил черту, — сурово ответил монах, - он начал применять магию. Смешивал наши священные обряды с темными, запретными чарами земли и крови. А магия в нашей религии — это страшный грех, она запрещена. Через год после его изгнания мы узнали, что он умер в своей лесной хижине у озера. Но за его преступления и отступничество обитель отказалась предать его тело земле. Ему не положена христианская могила. Мы оставили его прах там, где его настигла смерть.

Отец Рафаил тяжело вздохнул, подошел к старинному конторскому шкафу и достал оттуда пожелтевшую от времени церковную летопись. Пролистав сухие страницы, он достал небольшую, покрытую пылью черно-белую фотографию и протянул её Мэй.

— Вот его единственный портрет, сделанный незадолго до изгнания.

Мэй взяла снимок своими бледными пальцами. Едва её взгляд упал на изображение, по её телу пробежал смертельный, парализующий холод. С поблекшей черно-белой фотографии на неё смотрел мужчина. У него были точно такие же глубоко посаженные, пронзительные светлые глаза, упрямая глубокая морщинка на переносице и густые, кудрявые волосы, собранные в изящный хвостик... Это был Варфоломей.

Точнее, мужчина на фото был поразительно, пугающе похож на гробовщика. Словно они были близнецами или... одним и тем же человеком. Юная ведьма едва не выронила снимок. В её голове вихрем закружились детали головоломки. «Варфоломей — сын Ричарда и безумной

Ризы, в нем не было магии...» — писала Клотильда. «Монах Адам подобрал меня у озера, исцелил молитвами и передал свой дар перед смертью...» — утверждал Варфоломей. Но если отец Адам выглядит в точности как Варфоломей, то кем на самом деле был их опекун?

- Был ли Варфоломей биологическим сыном этого грешного монаха-изгнанника, рожденным от безумной Ризы до того, как та попала в лечебницу? - вслух спросила она, глядя на парня.

- Или... отец Адам не просто «передал» свой дар мальчику? Что, если умирающий монах-некромант переселил свою собственную душу в истерзанное воронами тело молодого Варфоломея, чтобы продолжить жить? — продолжала она.

- Перестань, - одернул ее Герард, - он мертв, я его запечатал. Зачем нам нужно в этом копаться?

Она замолкла, думая. Это объясняло всё: и колоссальную силу Варфоломея, и его тягу к запертой маме Ризе, и то, почему его собственная, настоящая душа (призрак в широкополой шляпе со звуком кларнета) блуждала неприкаянной! Тот, кого они убили и закопали у озера — был древним, могущественным чернокнижником в теле несчастного парня, решила она.

— Спасибо, отец Рафаил, — глухо произнесла Мэй, возвращая фото ему.

Они с Герардом поспешно вышли из собора. На улице уже сгущались хэллоуинские сумерки.

Вернувшись в поместье Клотильды, Мэй весь вечер не находила себе места. Хэллоуинская ночь вступала в свои права. Ветер за окном выл, словно стая голодных волков. Варфоломей (или то существо, что носило его имя) был мертв. Но его проклятие, его приворот и его дух всё еще витали в этом доме. Слова из её сегодняшнего сна: «Мэй... Я ведь любил тебя...» — теперь звучали еще более жутко. Любил ли её замученный мальчик Варфоломей, или это была извращенная любовь древнего монаха Адама к юной ведьме, в которой он видел венец своей некромантии? Вдруг со стороны первого этажа, из той самой запертой комнаты, где лежала связанная безумная Риза, донесся странный, пронзительный звук. Это был не крик и не плач. Это был глубокий, вибрирующий, невероятно красивый звук... звук виолончели. Кто-то в темноте запертой комнаты безукоризненно играл ту самую мрачную симфонию, которую Варфоломей написал перед смертью. Ями испуганно прижался к Мэй, а овчарка Грэй яростно залаяла, уставившись на дверь гостиной. Но вновь наступила прежняя зловещая тишина, которая пугала даже ее.

Праздник Хэллоуина в поместье Клотильды выглядел сюрреалистично. Огромный зал был украшен оранжевыми тыквами с вырезанными зловещими гримасами, повсюду горели черные свечи, а стены были затянуты искусственной паутиной. Мэй, обычно строгая и замкнутая, сегодня позволила себе расслабиться. Она надела изысканное черное платье из кружев, напоминающее наряд «невесты тьмы», и распустила свои длинные угольные волосы.

Пара глотков красного вина подействовали необычно: бледные щеки Мэй окрасились нежным румянцем, а в разноцветных глазах — левом зелено-карем и правом небесно-голубом — заплясали живые искорки. Под звуки старой пластинки они с Валерией кружились в танце, а Ями смеялся, играя с Грэм и Бегемотом. Когда музыка стихла, они присели у камина. Валерия, поправляя свой костюм морской ведьмы, хитро посмотрела на подругу.

— Мэй, — начала она, — а тебе нравится Герард?

Мэй мгновенно растерялась. Она начала теребить край своей черной шали, и румянец на её лице стал еще гуще.

— Я не знаю... — тихо ответила она. — Мы дружим. Он славный. Он единственный, кто не побоялся заступиться за меня перед всей школой.

— Вы встречаетесь, как парень с девушкой? — не унималась Валерия, подмигивая.

— Нет, — отрезала Мэй, и её взгляд вдруг стал серьезным и глубоким. — Знаешь, Валери... иногда мне кажется, что я до сих пор люблю Варфоломея. Точнее, то существо, кото-

рое им было. Я... я бесконечно сожалею, что всё так закончилось. Что я ногой наступила на его шею. Каждую ночь я вижу это во сне.

Мэй вздохнула, глядя на огонь.

— Я думаю, что Герард совершил что-то непоправимо плохое. Я понимаю, он хотел защитить меня, спасти от участи «куклы»... но это было слишком жестоко. Мы закопали его, как бродячего пса.

— Он хотел сделать из тебя беспомощную вещь! — почти закричала Валерия, вскакивая с места, — это было единственно правильное решение, Мэй! Если бы не Герард, ты бы сейчас сидела в той комнате рядом с безумной Ризой, не имея собственной воли. Герард — герой. И чтобы этот монстр никогда не выбрался из земли, Герард запечатал его: произнес заклинание невозврата и ножом начертил на его лице сакральный крестик. Он позаботился о твоей безопасности навсегда.

— Да... — глубоко вздохнула Мэй, касаясь своего пустого запястья, где раньше был браслет, — наверное, ты права.

В этот момент в доме воцарилась абсолютная, мертвая тишина. Пламя в камине вдруг из ярко-оранжевого стало мертвенно-синим и припало к самым углям. Собака Грэй зарычала, припав к полу, а Бегемот выгнул спину и зашипел, глядя на входную дверь.

Тук... Тук... Тук... Три тяжелых, мерных, ритмичных удара сотрясли массивную дубовую дверь поместья. Это не был стук человеческого кулака. Звук был сухим и костяным, точно такой же, какой издавала трость Варфоломея с серебряным черепом. Мэй похолодела. Вино мгновенно выветрилось из её головы.

- Герард ведь запечатал его... - прошептала она, поднимаясь на ноги, - он не может вернуться. Сегодня Хэллоуин, завеса тонка, но...

Удары повторились. Еще громче. Еще настойчивее. И вслед за ними из-за двери донесся знакомый, вибрирующий голос-кларнет, который теперь звучал так, будто он был полон влажной земли:

- Мэй... Ями... Откройте... Я пришел за своей семьей.

Ями вскрикнул и спрятался за Валерию. Мэй, преодолевая дрожь в коленях, медленно пошла к двери. Её ведьминская кровь, несмотря на все её старания, снова предательски запела, чувствуя присутствие «хозяина».

Глава 2. Возвращение Варфоломея

Тяжелые удары в дверь продолжались. Ями вскрикнул, а Валерия, бледная, но решительная, встала между ним и дверью. Но прежде чем Мэй успела дойти, со стороны кухни послышался топот. Это была Хлоя. Девушка, услышав шум, прибежала, оттолкнула детей и Валерию, и, не дрогнув, распахнула дверь. В поместье, прихрамывая на одну ногу, вошёл Варфоломей.

Он был ужасен. Его черный сюртук был порван и испачкан землей и засохшей кровью. Из-под полей шляпы-цилиндра виднелись грязные, спутанные волосы. Его лицо, мертвенно-бледное, было испещрено черными прожилками, словно проступающей гнилью. На лбу, прямо между бровей, зиял грубо высеченный ножом крестик — заклятие Герарда. Белки его глаз были кроваво-красными, а левый глаз, стал мутным и белёсым, словно налитый молоком. Он был страшным, живым воплощением их кошмаров.

- Господин... — прошептала Хлоя, падая на колени, но в её голосе звучало не столько страха, сколько благоговения и необъяснимой радости.

Варфоломей, не обращая внимания на служанку, прищурился. Его правый, еще ясный, ледяной глаз впился в Мэй, стоявшую за спиной Валерии. В этом взгляде читалось всё: и невыносимая боль, и злость, и извращенная, темная любовь. Он кивнул ей, словно подтверждая свою победу, и, тяжело волоча ногу, направился в уборную. За ним тенью последовал Михаэль, готовый помочь своему господину привести себя в порядок. Валерия затряслась, её лицо побледнело.

- Он вернулся... - прошептала она, - однако, как? Герард же...

Мэй не стала ждать. Она схватила Ями за руку, и они втроем — Мэй, Ями и Валерия — бросились в комнату девочки на втором этаже. Дверь захлопнулась, и все засовы были мгновенно задвинуты. Ями, сидевший на кровати, начал плакать, уткнувшись в одеяло.

— Прекрати постоянно ныть! — нервно выкрикнула Мэй, срываясь на него, - это раздражает!

— Твой опекун вернулся, Мэй, — прошептала Валерия, прижимаясь спиной к двери. — Тот, кто был мертв. Как это возможно?

— Как?! — изумилась Мэй, - я сама не знаю! Заклятие Герарда должно было держать его в могиле!

В комнате повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь всхлипами Ями. Вдруг Валерия повернулась к Мэй, и её карие глаза, полные слез, посмотрели на неё с какой-то отчаянной, искренней обидой.

- Если честно, Мэй, я тебе завидую, — призналась она, - ты нравишься всем. Дилан, даже если он такой надменный эгоист и плохой, наверняка тоже был влюблен в тебя. Герард тебя любит, он вон что ради тебя сделал. Варфоломей, этот монстр, за тебя заступился и вернулся из могилы! А если что-то случится со мной... про меня никто и не вспомнит. Это обидно. Я никому не нравлюсь. И жениха у меня нет.

Мэй моргнула. Посреди хаоса и смертельной опасности Валерия вдруг открыла свою самую сокровенную, девичью боль. В другое время юная ведьма бы её осадил, но сейчас, чувствуя себя такой же истощенной и отчаявшейся, она промолчала.

— Не время думать об этом, Валерия, — отрезала Мэй, и она выпрямилась, её лицо вновь стало каменным.

В её разноцветных глазах загорелся холодный, расчетливый огонь. Она достала из-под кровати старую, истрепанную книгу заклинаний, которую привезла из родительского дома.

— Если он смог вернуться, значит, заклятие Герарда не сработало. Или он нашел способ его обойти. Но он не пришел один. Я чувствовала это. За ним стояла сила. И я знаю, что это за сила.

Приказав испуганным Ями и Валерии ложиться спать, Мэй тихонько приоткрыла дверь своей комнаты. Её черное вельветовое платье беззвучно скользило по ступеням, когда она спускалась на первый этаж. В доме было темно, и лишь из гостиной лился тусклый, дрожащий свет камина. Мэй вошла в зал и замерла.

Мужчина уже успел помыться и причесаться. Он сидел в глубоком кресле у самого огня. На нем была чистая белая ночная сорочка, а на плечи он набросил... черную шаль, точь-в-точь такую же, как носила сама Мэй. Его тёмно-русые кудрявые волосы были еще влажными и красиво блестели в свете пламени. На его коленях, мирно свернувшись, лежали белоснежная кошечка Белочка и рыжий кот Ной. Они тихо, убаюкивающе мурчали. Животным было всё равно, что их хозяин восстал из могилы, — они просто любили его. Мэй бесшумно подошла и опустилась в соседнее кресло. Напряжение висело в воздухе, смешиваясь с запахом лавандового мыла и сырой земли. Гробовщик долго молчал, глядя на огонь своим единственным ясным, ледяным глазом. Второй, мутный, казался безжизненным стеклом.

— Варфоломей, — Мэй тихо повернула к нему свое бледное лицо, её разноцветные глаза блестели в полумраке, — как ты?

— Прекрасно, — ровно и безжизненно ответил он своим глубоким голосом-кларнетом, даже не повернув головы.

— Мне очень жаль, что всё это случилось, — прошептала девочка, кутаясь в складки своего платья. — Но ты хотел сделать меня своей послушной куклой. И я... я победила тебя.

Варфоломей медленно повернул к ней свое искаженное лицо. Он сильно прищурился.

— Лишь благодаря твоему защитнику, — сухо отозвался он.

Мэй перевела взгляд выше и почувствовала острую, физическую боль в груди. Прямо на его бледном лбу алел глубокий, уродливый крестик, высеченный ножом Герарда. Это клеймо навсегда испортило его красивое лицо. Мэй невольно вздрогнула и отшатнулась назад, вжимаясь в кресло. Варфоломей заметил её реакцию. Его синие губы дрогнули в горькой усмешке.

— Да... как бы там ни было, ты победила, — тихо произнес он.

Он медленно протянул свою холодную, бледную руку и аккуратно дотронулся до её ладони. В ту же секунду Мэй пронзила мощнейшая, сокрушительная волна тепла. Её ведьминская кровь, вернувшаяся к ней, запела от неистовой любви и нежности к этому чудовищу. Приворот крови, о котором говорил дух, или её собственная израненная душа заставили её сердце бешено колотиться. Она любила его, несмотря ни на что.

— Прости меня... — искренне, со слезами на глазах выдохнула Мэй.

Варфоломей промолчал. Мэй медленно перевела взгляд на его шею. Она была уродливо, криво свернута набок. Кости были сломаны её собственной ногой, и теперь его голова держалась неестественно, напоминая о её жестокости.

Гробовщик внезапно убрал руку. Тепло мгновенно исчезло, оставив в душе Мэй лишь леденящую пустоту. Его взгляд снова стал колючим и злым.

— Не пытайся войти мне в доверие, змея, — ледяным тоном отрезал он, и его глубокая морщина на переносице затрепетала, — я прогоняю тебя. Иди в свои покои. Я хочу поговорить с теми, кто меня любит.

Мэй растерянно приподняла свои тонкие брови.

— С кем это? Здесь ведь никого нет...

Гробовщик медленно опустил взгляд на свои колени и указал бледным пальцем на тихо мурчащих Ноя и Белочку. Животные преданно терлись носами о его холодную сорочку. Мэй поднялась. Слова Варфоломея больно ранили её сердце. Она круто развернулась и, шурша вельветовым подолом, направилась обратно к лестнице. Ночь Хэллоуина продолжалась, и теперь Мэй знала: её «брат» вернулся не для того, чтобы сдаться. И его израненное сердце жаждало своей, особой расплаты.

Варфоломей остался у камина один. Огонь почти погас, и только красные угли отражались в его мутном левом глазу. Он поднял руку ко лбу и осторожно коснулся высеченного крестика. Боль пронзила его так резко, что мужчина стиснул зубы. Морщина между бровей углубилась, на лбу выступили капли холодного пота. Шрам сиял тусклым багровым светом, будто под кожей тлели угли. В этот момент в гостиную вошла Хлоя. В руках она держала чашку ромашкового чая.

- Ты спасла меня, дорогая, — тихо произнёс Варфоломей, подняв на неё взгляд, - проси, чего хочешь.

Хлоя поставила чашку на стол. При свете камина её лицо казалось особенно странным: большие зеленовато-ореховые глаза, слишком взрослые для её восемнадцати лет, смотрели с вековой усталостью. Бледная кожа почти просвечивала, а растрёпанные светло-русые волосы падали на плечи. Старая кофта и выцветшие ткани юбки делали её маленькой и беззащитной — но неподвижное выражение лица придавало ей что-то тревожное.

- Когда я узнала, что случилось, я прибежала к озеру, - начала она, - потом нашла Рима. Только сегодня мне удалось снять печать. Ты жив, Варфоломей... И для меня это счастье.

Она помолчала, затем подняла на него глаза.

- Но я хочу большего. Я хочу быть твоей невестой. Твоей женой. Матерью твоих детей.

Чашка выскользнула из рук Варфоломея и разбилась о каменный пол.

— Нет! — резко воскликнул он, вскочив с кресла. — Хлоя, я одиночка. Мне никто не нужен. Ты больше не будешь служанкой — живи здесь, как захочешь. Ты красивая, тебе всего восемнадцать. Ты можешь встретить другого молодого мужчину. Я не могу... Прости меня.

Хлоя не отступила.

— Ты хотя бы подумаешь?

Варфоломей замолчал. Затем осторожно взял её за руку. Их взгляды встретились.

— Я давно за тобой ухаживаю, — тихо сказала Хлоя. — Мне жаль, что ты не видишь во мне девушку.

— Хлоя... — Варфоломей говорил уже мягче. — Ты мне нравишься. Правда. Но сейчас я не могу дать тебе то, чего ты хочешь. Спокойной ночи.

Он отпустил её руку и, прихрамывая, направился к лестнице. Хлоя осталась у камина среди осколков разбитой чашки. Её лицо снова стало неподвижным, почти масочным. Она не заплакала и не рассердилась. Только её пальцы медленно сжались в кулак. Варфоломей скрылся в своих покоях.

Он не заметил Мэй, стоявшую в тени коридора. Девочка слышала каждое слово. Она прижала ладонь ко рту, чтобы не выдать себя кашлем. Её бледное лицо оставалось спокойным, но внутри всё перемешалось. Хлоя спасла Варфоломея. Она нашла Рима, помогла снять печать и вернула его из могилы. Без неё он, возможно, так и остался бы под землёй. И теперь она любила его — не как хозяина, не как загадочного воскресшего гробовщика, а как мужчину, ради которого была готова пройти через страх, кровь и запретную магию.

Мэй посмотрела на Хлою с новым, настороженным интересом. Служанка медленно опустилась на корточки и начала собирать осколки чашки. На одном из них блеснуло отражение её лица: детские округлые щёки, пухлые губы, огромные усталые глаза. Но в этом отражении Мэй увидела не беззащитную девушку.

Там было что-то другое. Что-то древнее и холодное. Хлоя подняла голову и внезапно посмотрела прямо в темноту коридора. Мэй замерла. Несколько секунд девушки молча смотрели друг на друга. Затем Хлоя едва заметно улыбнулась — не тепло и не дружелюбно, а так, словно давно знала о присутствии Мэй.

— Подслушивать нехорошо, Госпожа, — тихо произнесла она, опасно приблизившись к ведьме.

Мэй вышла из тени, выпрямив спину.

— А воскрешать мёртвых без их согласия — хорошо?

И улыбка Хлои исчезла.

— Я спасла его.

— Или вернула сюда, чтобы он снова страдал?

В глазах Хлои промелькнула боль, но почти сразу её сменила холодная неподвижность.

— Он должен был жить.

— Почему? — спросила Мэй. — Потому что ты его любишь?

Хлоя сжала в руке осколок чашки. На её ладони выступила кровь, но девушка словно не заметила.

— Потому что он ещё не закончил то, ради чего вернулся.

По спине Мэй пробежал холод.

— Что именно он должен закончить?

Хлоя медленно поднялась. Её лицо стало почти безжизненным, а большие глаза потемнели.

— Это тебе лучше спросить у него самой. Только поторопись, Мэй. Хэллоуинская ночь ещё не закончилась.

С этими словами Хлоя собрала осколки и ушла на кухню, оставив Мэй одну в полутёмной гостиной. За дверью Варфоломея, послышался глухой кашель. А затем — три медленных удара по стене.

Тук. Тук. Тук. Мэй подняла глаза. Кто-то звал её. Зов Валерии вырвал Мэй из оцепенения. С трудом оторвав взгляд от Хлои, девочка повернулась и медленно пошла в спальню. Голова раскалывалась от пульсирующей боли — слишком много тайн, слишком много пролитой крови и магии обрушилось на неё за последние дни. Едва её голова коснулась подушки, а верная шаль укрыла плечи, ученица провалилась в тяжелый, глубокий сон без сновидений. Валерия уснула рядом, обняв её для тепла. На следующее утро, ровно в десять часов, по коридорам поместья Клотильды поплыл удивительный, давно забытый аромат. Пахло свежесваренным травяным чаем, поджаренным хлебом и сладким ягодным пирогом.

Варфоломей сам готовил завтрак на кухне. Он всё еще был очень слаб после воскрешения и тяжелого ритуала у озера. Его движения были медленными, левая нога слушалась с трудом, а на лбу сквозь аккуратно зачесанные темно-русые кудри по-прежнему отчетливо проступал страшный шрам-крестик. Но он упрямо стоял у плиты, завернувшись в свою черную шаль поверх простой белой рубашки.

В столовую, робко перебирая ногами, вошел тринадцатилетний Ями. Увидев у плиты Варфоломея, а не немую прислугу, мальчик замер. Грэй тихонько шел за ним, повиливая хвостом.

- Доброе утро, - негромко произнес Ями, заглядывая «брату» в лицо.

Варфоломей медленно повернулся к нему. На его бледном лице появилась мягкая, искренняя улыбка, но глубокая морщинка на переносице и лбу мгновенно углубилась, выдавая его внутреннюю физическую боль.

- Доброе утро, Ями, — тихо ответил он своим глубоким, бархатным голосом-кларнетом.

Мальчик опустил голову. На его глаза навернулись слезы раскаяния. Он вспомнил, как жестоко Герард вонзил нож в спину Варфоломея, и как Мэй безжалостно свернула ему шею.

- Прости нас... — глубоко и тяжело вздохнул Ями, делая шаг навстречу, - прости за то, что мы сделали с тобой у озера.

Гробовщик замер. Его единственный ясный ледяной глаз внимательно изучил лицо мальчика. В нем не было злости. Только глубокая, мудрая печаль человека, который слишком много страдал.

— Всё в порядке, Ями, — мягко произнес он, вытирая руки полотенцем. — Мы с Хлоей как раз собираемся на прогулку в лес. Поедем на новой карете. Я... я обещал обучить её древ-

нему искусству. Нашему искусству магии и защиты, которому меня когда-то научил отец Адам. Не хочешь поехать с нами, мой мальчик?

Лицо Ями мгновенно просияло. Вся его детская тоска по старшему брату, по мужской заботе вырвалась наружу. Забыв о приличиях и страхе, он подбежал к Варфоломею и крепко, изо всех сил обнял его за талию, уткнувшись лицом в его белую рубашку.

Варфоломей резко вздрогнул. Его тело напряглось, словно от удара током. Он отвык от искреннего человеческого тепла. Его мертвое, ледяное сердце, казалось, на мгновение пропустило удар от этой чистой, детской нежности. Он медленно, нерешительно опустил свои бледные руки на плечи Ями и слегка сжал их в ответ.

В столовую бесшумно вошла Хлоя. Сегодня на ней была чистая, блекло-белая кофта, а её длинные спутанные волосы были аккуратно завязаны лентой. Её огромные зеленовато-ореховые глаза с выражением вековой усталости внимательно следили за этой сценой. На её бледных губах появилась едва заметная, неподвижная улыбка-маска. Они быстро позавтракали втроем.

Ями весело болтал, рассказывая о Грее, а Варфоломей внимательно слушал его, изредка прищуриваясь и кивая.

Вскоре они вышли во двор. Михаэль уже запряг лошадей в черную карету. Ями весело запрыгнул внутрь вместе с Греем, следом поднялась Хлоя, а Варфоломей, тяжело опираясь на трость, поднялся последним. Карета тронулась, увозя их в золотисто-багряный осенний лес.

А на втором этаже поместья, в своей темной комнате, всё еще крепко спали Мэй и Валерия, утомленные ночными кошмарами и даже не подозревая, что Ями остался наедине с тем, кого они так отчаянно пытались уничтожить.

Осенний лес встретил карету тихим шуршанием золотой листвы. Солнце, пробиваясь сквозь кроны старых дубов, ложилось мягкими пятнами на увядающую траву.

Варфоломей велел остановить карету на тихой поляне. Он действительно был очень слаб: его дыхание оставалось прерывистым, а левая нога при ходьбе казалась совсем окоченевшей. Но он терпеливо показывал Ями и Хлое простые защитные пассы руками. Это была чистая, мягкая магия — магия молитв и света, которой его когда-то обучил отец Адам. Ями с восторгом ловил каждое его движение, а Хлоя послушно повторяла жесты, и на её бледном лице с застывшей улыбкой-маской наконец-то появилось живое, теплое выражение. В перерыве между уроками Хлоя несмело достала из своей потертой сумочки небольшую тетрадь в тканевом переплете. Она прижала её к груди, глядя на Варфоломея своими огромными, зеленовато-ореховыми глазами, в которых сегодня не было прежнего холода.

— Я бы хотела поделиться с вами своим сокровенным... — тихо, с придыханием произнесла она. — Я пишу поэмы. Осенние, мрачные... о тех, кто забыт.

Варфоломей глубоко, пристально посмотрел на неё. В его ледяном взгляде промелькнуло удивление, смешанное с тихой грустью. Он медленно протянул свою прохладную руку и аккуратно убрал непослушный светло-русый локон с её нежного, еще совсем детского лица, коснувшись пальцами теплой щеки.

— Давай, — мягко сказал он своим бархатным голосом-кларнетом, — мы с Ями внимательно послушаем тебя.

Хлоя открыла тетрадь и начала читать. Её стихи были удивительными: полными меланхолии, глубокой, вековой тоски и странной красоты — красоты увядания и преданности, которая способна вернуть человека даже из могилы. Варфоломей и Ями слушали её затаив дыхание, завороченные этим тихим, певучим голосом.

В это же время в поместье Клотильды проснулись Мэй и Валерия.

Спустившись на первый этаж, они обнаружили, что дом пуст. В столовой их встретила служанка Тиффани, которая обычно занималась садом. На её фартуке еще виднелись следы сухой земли.

— Молодой Господин Ями, Хлоя и Михаэль уехали вместе с хозяином Варфоломеем на прогулку в лес, — боязливо поклонившись, сообщила Тиффани, — но хозяин велел передать, что днем они обязательно вернутся. Не беспокойтесь.

Едва услышав это, Мэй пришла в ярость. Её разноцветные глаза — левый зелено-карий и правый небесно-голубой — вспыхнули опасным, темным огнем. Её брат остался наедине с монстром! И Хлоя, которая вытащила его из могилы, тоже была там.

Валерия мгновенно подошла к подруге и нежно обняла её за плечи, пытаясь успокоить.

— Мэй, тише, успокойся, — мягко произнесла она, — давай подождем их возвращения, а потом что-то предпримем. В лесу мы их всё равно не найдем. Пожалуйста, присядь. Я... я бы очень хотела поговорить с тобой. Обо мне.

Подруга измученно вздохнула, её карие глаза наполнились грустью.

— Я так страдаю, Мэй. У меня совсем нет жениха, никто не обращает на меня внимания. Я чувствую себя такой одинокой... А ты постоянно отмахиваешься от моих проблем, закрываешься. Прямо как мой отец, который всегда думал только о своих плаваниях.

Мэй, чьи нервы после изнуряющего проклятия и побега из школы были натянуты как струны, резко оттолкнула её руку. Она развернулась к подруге, её лицо исказилось от гнева.

— Прекрати! — рассердилась Мэй, и её голос прозвучал хлестко, как удар рояля, — я не люблю, когда люди постоянно жалуются на свои глупые девичьи проблемы! И мне очень не нравится, что ты говоришь это сейчас, когда мой брат в опасности. Я бы, допустим, наоборот, хотела бы быть на твоём месте. Чтобы ко мне вообще никто не вязался! Ни Герард со своей влюбленностью, ни Дилан со своими интригами, ни ты со своими стонами о женихах!

Валерия замерла, словно её ударили. В её карих глазах отразилась глубокая, непереносимая обида. Слезы мгновенно покатались по её щекам.

— Ни я?.. — тихо, дрожащим от боли голосом переспросила она. — Значит, я для тебя тоже просто обуза, которая к тебе «вяжется»? Я, которая спасала тебя от ожога и плакала вместе с тобой?

Мэй промолчала, упрямо вздернув подбородок и кутаясь в свою черную шаль. Её гордость и злость не позволили ей извиниться.

— Хорошо, — Валерия вытерла слезы кулаком, и в её взгляде появилась холодная решимость, — раз так... тогда решай свои проблемы сама, мисс Раддмил. Больше я к тебе не навязжусь.

Она решительно подошла к настенному домашнему телефону в холле и быстро набрала номер своего отца. Мэй стояла в стороне, скрестив руки на груди, молча наблюдая за ней. Уже через час у ворот поместья Клотильды остановилась карета отца Валерии — богатого, строгого моряка. Валерия быстро собрала свои вещи, даже не взглянув на Мэй. Проходя мимо неё к выходу, она лишь горько бросила:

— Прощай, Мэй. Надеюсь, твоя драгоценная тьма согреет тебя лучше, чем друзья.

Дверь захлопнулась. Карета уехала, увозя Валерию прочь.

Мэй осталась стоять посреди огромной, ледяной гостиной совершенно одна. Её магия вернулась, язвы зажили, но внутри неё образовалась пугающая, звенящая пустота. Она поссорилась со своей единственной подругой. Герард остался в Статимэд, Ями уехал с Варфоломеем.

Вдруг на лестнице послышался шорох, и к её ногам бесшумно спустился кот Бегемот, а Чернобог выполз из-под ковра, тихонько пошипывая. Они были единственными, кто остался с ней в этом огромном, жутком доме. Мэй подошла к окну и устремила свой разноцветный взгляд на дорогу. Скоро карета Варфоломея должна была вернуться. И теперь Мэй придется встретить его лицом к лицу без чьей-либо поддержки.

Шорох гравия под тяжёлыми колёсами кареты возвестил о возвращении беглецов. Дверь холла распахнулась, впуская в прохладную тишину дома запах сырой лесной хвои, прелой листвы и угасающего осеннего дня. В холл вошёл Варфоломей, за ним следовала Хлоя, а впереди всех, сияя от восторга, бежал Ями. Грэй радостно крутился у его ног.

Увидев Мэй, одиноко стоявшую у окна в своей неизменной чёрной шали, Варфоломей на мгновение замер. Его единственный ясный ледяной глаз скользнул по пустой гостиной — он сразу заметил отсутствие Валерии и её вещей. На его бледных синих губах проступила едва заметная, горькая и торжествующая усмешка. Он понял, что строптивая сестрица снова осталась одна.

Ями, не замечая тяжёлой атмосферы, подбежал к сестре и восторженно воскликнул:

— Мэй! Мы с братом ходили в лес и так славно провели время! Он учил нас магии, а Хлоя читала свои стихи!

Но юная ведьма, чьи нервы за этот день были сожжены дотла страхом, злостью и внезапным разрывом с Валерией, не смогла сдержать бушевавший внутри ураган. Её разноцветные глаза гневно блеснули, и она нервно закричала на брата:

— А ты что, не мог меня предупредить?! Уехал с ним, ничего не сказав! Ты хоть понимаешь, что я пережила?!

- Мэй, — холодный, ровный голос-кларнет Варфоломея мгновенно одёрнул её.

Гробовщик тяжело опёрся на трость, его глубокая морщина на переносице натянулась.

— Тебя предупредили наши слуги. К чему этот истеричный крик?

Мэй круто повернулась к нему. Вся её боль, обида и гордость выплеснулись наружу. Она сделала шаг вперёд, расправив атласный воротник вельветового платья.

— Мы никогда не сможем быть одной семьёй, Варфоломей, — отрезала она ледяным тоном. — И не надо создавать этот дешёвый спектакль с семейными прогулками. Я знаю, кто ты, и знаю, что тебе от нас нужно.

Варфоломей молча выслушал её. Лицо его на мгновение стало совсем чужим, словно застывшая маска мертвеца, но он лишь медленно, согласно кивнул. Крестик на его лбу тускло блеснул в полумраке холла.

— Да, — тихо произнёс он. — Ты права. Раз так, с этого дня вы будете постоянно жить в школе. На выходные домой, в это поместье, я вас брать больше не буду.

Мэй резко приблизилась к нему, её правый небесно-голубой глаз сузился.

— В чём смысл тогда вообще быть под твоей опекой?! Чтобы торчать в закрытом замке круглый год?

Варфоломей равнодушно пожал плечами, его правый глаз холодно сверкнул.

— Ни в чём. Но, возможно, смысл в том, что вы не будете гнить в приюте Сент-Джуд. Эта школа намного лучше приюта, правда же, Мэй? Там у тебя хотя бы есть крыша над головой и твоя... гордость.

— Не могу не согласиться! — громко, с язвительным хмыканьем воскликнула Мэй, вскинув подбородок.

— Вот и отлично, — бесстрастно подытожил гробовщик. — Я заберу вас только на Новый год и Рождество. И всё. Летом я отправлю вам слуг, и вы будете жить в своём родительском доме. Мы формально по бумагам вместе, чтобы у органов опеки не было вопросов. А так — нет. Каждый сам по себе.

Ями, слушавший этот разговор, побледнел. В его глазах отразилось такое глубокое разочарование и упрёк, что Мэй на секунду стало не по себе. Мальчик посмотрел на сестру так, словно она только что своими руками сожгла его единственный мостик к счастью и нормальной жизни.

С этими словами Ями развернулся и со слезами на глазах бросился вверх по лестнице в свою комнату. Грэй, жалобно заскулив, побежал за ним. Дверь наверху захлопнулась с оглушительным грохотом.

В гостиной воцарилась гробовая тишина. Мэй медленно опустилась в кресло у камина, где угли уже подернулись серым пеплом. На её колени бесшумно запрыгнул Бегемот, а Чернобог обвинил её холодное запястье. Она получила то, чего так страстно желала у озера, — сво-

боду. К ней никто больше не «вязался». Ни подруга, ни влюблённый защитник, ни гробовщик-некромант, ни даже родной брат.

Она осталась наедине со своей идеальной, безупречной и абсолютно мёртвой тьмой. Варфоломей больше не произнёс ни слова. Развернувшись, он, тяжело прихрамывая на левую ногу и стуча тростью, медленно ушёл в свои покои на первом этаже. Хлоя беззвучно последовала за ним, прикрыв дверь.

В огромной, погружённой в сумерки гостиной Мэй и Ями остались совершенно одни.

— Зачем?.. — дрожащим от слёз и злости комом выдавил Ями, — зачем ты это сделала, Мэй?! Он ведь спас нас! Он был добр ко мне!

— Ты глупый, слепой мальчишка! — нервно воскликнула Мэй, подходя к нему, — он манипулирует тобой! Он применил к нам приворот, он хотел забрать мою силу! Я защищаю тебя, а ты...

— Ты защищаешь только свою гордость! — закричал Ями, перебивая её, — и из-за твоей злости от нас ушла Валерия! Так ведь? Где она, сестра? Теперь нас выгнал Варфоломей! Ты осталась совсем одна, Мэй, и меня тащишь за собой в свою ледяную пустыню! Я ненавижу твою магию и твою вечную темноту!

Наступило утро понедельника — холодное, затянутое серым, как свинец, туманом. Варфоломей вышел к завтраку. Он выглядел практически так же, как накануне: бледный, изможденный, с глубокой складкой между бровей, но в его осанке по-прежнему читалось мрачное величие. Он молча наблюдал за тем, как Мэй и Ями собирают свои вещи.

Когда Мэй подошла к столу, он внимательно взглянул на её пустое запястье.

— Ты избавилась от того браслета? — спросил он негромко, и в его ледяных глазах промелькнула глубокая, искренняя грусть, которую он произнес явно через силу.

Мэй лишь молча кивнула, не сводя с него своих разноцветных глаз. Варфоломей горько хмыкнул. Медленным, демонстративным движением он достал из кармана своего сюртука точно такой же серебряный браслет — свой собственный, который связывал его с ней. На глазах у притихших детей он швырнул его прямо в ревущее пламя камина.

— Теперь нас это больше не связывает, — безжизненным тоном произнес гробовщик, — если в школе с вами что-то случится... это исключительно ваши проблемы. Я больше не приду.

Ями тяжело сглотнул, опустив голову. Мэй смотрела на то, как серебряные звенья с фигуркой летучей мыши начинают чернеть и плавиться в огне, и у неё буквально перехватило дыхание. В груди поднялась паника. «Нет, только не это!» — закричал её внутренний голос.

Пока Варфоломей отвернулся, чтобы отдать распоряжение Михаэлю, а Ями грустно разглядывал свои ботинки, Мэй сделала молниеносный, отчаянный шаг к камину. Игнорируя опасность, она запустила руку прямо в раскаленные угли и схватила горящий браслет. Огонь мгновенно обжег её тонкие, бледные пальцы. Мэй едва сдержала стон боли, зажав обожженную ладонь в кулак и быстро пряча обгоревший, горячий кусок серебра в глубокий карман своего вельветового платья. Никто ничего не заметил, но её ладонь горела адским пламенем, а кожа покрылась волдырями.

Завтрак закончился в гробовом молчании. Настало время уезжать.

Перед тем как сесть в карету, Ями подошел к Варфоломею и робко протянул ему руку. Гробовщик тепло и очень мягко улыбнулся мальчику, бережно пожав его ладонь на прощание.

Затем он медленно перевел свой прищуренный взгляд на Мэй. Он склонился к её лицу так близко, что она почувствовала его холодное дыхание и едва уловимый запах лаванды и тлена.

— Ты можешь остаться совсем одна, — тихо, но с ядовитой усмешкой прошептал он ей на ухо, — посмотри на себя, девочка. Ты уже совсем одна. Валерия отвернулась от тебя, твой брат презирает тебя за твою холодность. Скоро и Герард поймет, какая ты ледяная, и уйдет.

А Дилан... Дилан на свободе, и он обязательно вернется, чтобы нанести тебе удар. И когда это случится, тебя никто не спасет. Даже твоя драгоценная гордость.

Мэй мгновенно побледнела. Страх — настоящий, липкий страх одиночества и незащищенности — сковал её сердце. Слова Варфоломея попали в самую цель, обнажив её главную слабость.

Она ничего не ответила. Круто развернувшись, Мэй села в карету, кутаясь в свою черную шаль и пряча обожженную руку в складках платья. Ями сел напротив, демонстративно отвернувшись к окну. Он полностью игнорировал сестру, не желая с ней разговаривать.

Карета тронулась. На козлах сидели Михаэль и Тиффани, везя детей обратно в Блэквуд. Мэй прильнула к стеклу. Сквозь пелену тумана она смотрела вслед удаляющейся фигуре Варфоломея, который стоял у ворот поместья, опираясь на свою трость. Её сердце больно, невыносимо сжималось, а в кармане платья пальцы судорожно сжимали искореженную, обгоревшую серебряную летучую мышь, которая всё еще хранила остатки его тепла.

Замок Статимэд встретил Мэй унылым звоном колокола и ледяным сквозняком, гуляющим по каменным коридорам. Внутри девочки всё сжималось от боли и тревоги. Её обожжённая ладонь, скрытая в глубоком кармане вельветового платья, неистово пульсировала, а пальцы сжимали обугленный серебряный браслет. Слова гробовщика: «Ты уже совсем одна» — набатом стучали в её голове.

Пытаясь заглушить собственный страх и вернуть контроль над ситуацией, Мэй решила действовать первой. Она нашла в коридоре Герарда. Парень стоял у окна, его ярко-зелёные кошачьи глаза потеплели, когда он увидел приближающуюся Мэй. Он уже хотел сделать шаг навстречу, но ледяной вид девочки заставил его замереть.

- Варфоломей вернулся, - без предисловий, глухо произнесла Мэй.

Герард побледнел, его веснушки резко выделились на лице.

- Как?.. Это невозможно...

- Возможно, — оборвала его Мэй, её небесно-голубой глаз сверкнул холодной угрозой, а левый, зелено-карий, казался бездонным колодезцем, - но впредь больше не смей вмешиваться туда, куда тебя не просили, Герард. Иначе ты будешь иметь дело со мной.

Рыжеволосый парень застыл от изумления. Его челюсть слегка приоткрылась, а зелёные глаза сузились, выражая крайнюю степень обиды и недоумения. Он закусил губу, сдерживая подступивший гнев, и тихо, но отчетливо произнес со своим странным и раздражающим акцентом:

- Я вообще-то тебя защищал и рисковал своей жизнью, Мэй. Я был заморожен заживо! Где ваша признательность, наследница Раддмил?

- А я не просила, — резко, отсекая любые чувства, ответила она, хотя внутри её сердце обливалось кровью, - у меня всё было под контролем.

Герард горько усмехнулся, приподняв одну бровь. В его взгляде влюбленность мгновенно сменилась глубоким разочарованием.

— Ты даже не осознаешь свои ошибки? Где твои извинения?

Мэй не стала продолжать этот бессмысленный, ранящий спор. Она лишь гордо вскинула подбородок, поправила атласный воротник платья и, резко развернувшись, вошла в класс.

Она села за самую дальнюю парту. Совершенно одна. Дилан в классе отсутствовал — после своей выходки он всё ещё был в бегах, разыскиваемый полицией. Но пустота вокруг Мэй казалась осязаемой. Одноклассники по-прежнему шептались, косясь на неё, но больше всего Мэй ранило другое.

На переднем ряду, прямо у кафедры, сидела Валерия. Но она сидела не одна. Её соседкой была Эстер — та самая высокомерная белокурая девочка с синими глазами, которая громче всех смеялась над слабостью Мэй. Валерия весело шепталась с ней, перебирая конспекты, и

демонстративно ни разу не повернулась в сторону Мэй, словно той никогда не существовало в её жизни.

Школьница смотрела на них, и в её горле встал горький ком. Обожжённая рука в кармане заняла с новой силой.

Варфоломей был прав. Её гордость разрушала всё вокруг. Валерия действительно отвернулась, Ями в карете не проронил ни слова, Герард теперь смотрел на неё с презрением и обидой. Она осталась абсолютно, кристально одна в этом огромном холодном замке.

После окончания последнего урока, когда шумная толпа учеников хлынула из кабинета, Мэй решила на то, что далось ей с огромным трудом. Наступив на собственную гордость, она подошла к Валерии. Её обожжённая рука в кармане вельветового платья мучительно ныла, словно напоминая о совершённых ошибках.

Мэй заставила себя склонить голову и низко, искренне поклонилась подруге.

— Прости меня, пожалуйста, Валерия, — тихо, но отчётливо произнесла она, глядя на неё своими разноцветными глазами. — Мне очень жаль, что я обидела тебя тогда в поместье. Я не буду оправдываться. Я действительно была плохой, эгоистичной подружкой... Но я очень хочу всё исправить.

Лицо Валерии смягчилось. В её тёплых карих глазах не осталось злости. Она шагнула вперёд и крепко, искренне обняла Мэй.

— Извинения приняты, — прошептала Лера, отстраняясь. — Я не держу на тебя зла, Мэй. Но знаешь... за эти дни я подружилась с Эстер. Она на самом деле очень даже неплохая. Раньше она тоже казалась мне заносчивой и злой, но когда мы пообщались поближе, оказалось, что у неё доброе сердце.

Мэй ревниво взглянула на стоявшую неподалёку Эстер, которая заплетала свою длинную белокурую косу и краем глаза наблюдала за ними. Внутри подруги укололо острое, неприятное чувство собственничества и ревности. Ей было больно видеть, что её место рядом с Валерией так быстро занял кто-то другой. Но она промолчала, лишь молча кивнув.

Позже, когда занятия окончательно завершились, Валерия вместе с Эстер отправились в старинную школьную библиотеку. Мэй, ведомая необъяснимым чувством одиночества и тревоги, бесшумно последовала за ними, укрывшись в тени массивных книжных шкафов. Кожа-ные туфли не издавали ни звука на каменном полу.

Там, за круглым столом среди пыльных фолиантов, уже сидел Герард. Он читал какую-то книгу, но когда девочки подошли, отложил её. Его ярко-зелёные кошачьи глаза с интересом уставились на Валери.

Она же присела рядом с ними и, почувствовав атмосферу доверия, начала говорить о себе. Её голос звучал тихо и печально, отражаясь от высоких сводов библиотеки.

- Моя мама умерла при родах, — делилась Валерия, и её карие глаза подернулись дымкой грусти, - к сожалению, я никогда не видела её лица наяву. Но она приходит ко мне во снах. Мой магический дар — управление водой и призыв духов — достался мне именно от неё. Мама — мой ангел-хранитель и мой главный покровитель на той стороне.

Герард и Эстер слушали её очень внимательно, не перебивая. Мэй, прячась за стеллажом с древними гримуарами, затаила дыхание. Каждое слово подруги отзывалось в её душе глухими ударами вины.

- Мой отец — моряк, — продолжала Валерия, - он заплывал в самые далёкие и опасные места мира, откуда привёз множество редких магических книг. На этих выходных я хочу пригласить вас к себе в гости, в наш дом у побережья, и всё вам показать. Но... понимаете, мой отец всегда был безразличен ко мне. Он заиклен на своих плаваниях, на море, на артефактах. А сейчас... сейчас он нашёл себе женщину. Они собираются пожениться. А я... я не хочу этого позволить! Я чувствую, что эта женщина чужая, она разрушит то немного, что у нас осталось от мамы. И я должна помешать этой свадьбе.

Едва Валерия замолчала, Эстер мягко положила свою ладонь на её руку.

— Мы поможем тебе, подружка, — искренне произнесла белокурая девочка, — если эта женщина действительно опасна для твоей семьи, мы найдём способ расстроить их помолвку. Ты не должна справляться с этим в одиночку.

— Да, — твёрдо подтвердил Герард, сверкнув своими зелёными глазами. — Наш союз силён. Мы поедем с тобой и сделаем всё, что нужно. Ты можешь на нас рассчитывать.

Мэй стояла за книжным шкафом, крепко прижимая здоровую руку к груди, в которой болезненно, до крика сжималось сердце. Ей было невыносимо, нестерпимо больно.

Она вспомнила, как Валерия пыталась открыться ей в поместье Клотильды. Как она плакала и просила просто поговорить, признаваясь в своём одиночестве. А Мэй тогда грубо обобрвала её, назвав её проблемы «глупыми девичьими жалобами», думая только о себе, о своих язвах, о Варфоломее и о своей гордости. Теперь Валерия нашла поддержку у тех, кого Мэй считала своими врагами или соперниками. Эстер и Герард проявили ту теплоту и чуткость, на которую Мэй оказалась неспособна из-за своего ледяного эгоизма.

Юная ведьма медленно попятилась назад, растворяясь в тени библиотечных стеллажей. В кармане её платья пальцы наткнулись на обгоревший серебряный браслет Варфоломея. Ожог пульсировал, словно вторя её внутренним терзаниям.

«Ты уже совсем одна, Мэй», — вновь прозвучал в её голове язвительный, пророческий голос Варфоломея.

Но Мэй не хотела сдаваться. Внутри неё, сквозь боль и раскаяние, зрело новое решение. Она должна доказать Валерии, что изменилась. Она должна помочь ей расстроить эту свадьбу, даже если Валерия её об этом не просила. И для этого ей придётся использовать всю свою тёмную магию, которая только-только начала возвращаться.

Мэй сделала глубокий вдох. Сжав в кармане обгоревший серебряный браслет, она решительно вышла к сверстникам. Её чёрное вельветовое платье тихо зашуршало по каменным плитам, привлекая внимание сидевших за столом.

- Я могу помочь вам, — негромко, но твёрдо произнесла она, глядя прямо в глаза Валерии, — моя тёмная магия, спиритизм и проклятия нашего рода... Позвольте мне помочь тебе расстроить эту свадьбу, Валерия.

Едва она замолчала, Эстер недовольно зашуршала страницами книги и злобно прищурилась:

- Мэй, у тебя ведь полно своих дел и проблем. Тебе мало своего опекуна и проклятий? Зачем ты лезешь к нам?

Но прежде чем ученица успела замкнуться в себе, Герард тепло и открыто улыбнулся ей. Его ярко-зелёные кошачьи глаза заискрились искренней радостью, а обида в его лице мгновенно растаяла.

— Присоединяйся, — мягко произнёс рыжий парень, пододвигая для неё свободный стул.

Валерия посмотрела на Мэй своими добрыми карими глазами. В её взгляде не было злобства — только глубокая, чистая благодарность.

- Я так рада, что ты меня наконец-то услышала, Мэй, — искренне проговорила она, протягивая руку и слегка сжимая её ладонь, — помоги мне, пожалуйста. Мне, правда, нужна твоя сила.

Внутри девочки словно распустился тёмный, но прекрасный цветок. Невероятная радость и облегчение затопили её душу. Она послушно села вместе с ними за круглый стол. Впервые за долгое время она почувствовала себя частью чего-то тёплого и живого. Они начали лихорадочно обсуждать план: как тайно пробраться в дом Валерии у моря, какие зелья использовать, чтобы рассорить её отца с новой женщиной, и какие заклинания отвода глаз применить.

Этим же вечером, когда сумерки окончательно ступились над замком Статимэд, школьники вышли из библиотеки. В коридоре жилого корпуса они заметили суету. Комендант школы как раз провожал какого-то парня к одной из запертых дверей. Это было странно: в Статимэд комнаты всегда давали на двоих, но этого новенького, судя по всему, определили в комнату в полном одиночестве.

Компания остановилась, с любопытством разглядывая незнакомца. Мэй, Ями, Валерия, Герард и Эстер подошли ближе. Новенький повернулся к ним. Это был высокий, стройный юноша с поразительно бледной кожей. На нём был строгий тёмный костюм, который сидел на нём безупречно.

— Привет, — негромко произнёс он.

Когда он заговорил, Мэй показалось, что время вокруг застыло. Его голос был удивительным — глубоким, вибрирующим, с мягким деревянным тембром. --- Меня зовут Чарльз. Я только сегодня перевёлся в школу.

Мэй впиалась в него взглядом своих разноцветных глаз. Её левый зелено-карий и правый небесно-голубой глаза расширились от немого потрясения..

Чарльз показался ей до жути, до крика знакомым. У парня были такие же пепельные волосы, похожие черты лица и холодные серые глаза, как у Дилана. Даже улыбка была почти одинаковой — едва заметной, насмешливой и неприятно самоуверенной. Чарльз говорил спокойно, но в его голосе слышалась та же мягкая, сухая интонация. Мэй почувствовала, как обгоревший браслет в кармане стал неприятно нагреваться.

— Ты случайно не родственник Дилана? — прямо спросила она.

На лице Чарльза промелькнуло удивление, но он быстро скрыл его.

— Дилана? — переспросил он, - нет. Я впервые слышу это имя.

— Врёшь, — холодно произнесла Мэй.

Герард тут же встал рядом с ней, заслонив её плечом. Его ярко-зелёные глаза настороженно сверкнули.

— Кто ты на самом деле? — спросил он.

Чарльз слегка усмехнулся.

— Всего лишь новый ученик. Неужели в этой школе принято встречать каждого новичка вопросом?

Эстер недовольно фыркнула, а Валерия внимательно посмотрела на Чарльза, словно пыталась почувствовать его магию. Через несколько секунд её лицо стало серьёзным.

— У него странная аура, — тихо сказала она, - она похожа на Диланову... но всё же немного другая.

Чарльз перевёл взгляд на Валерию, а затем снова посмотрел на Мэй.

— Думаю, мы ещё успеем хорошо познакомиться, — произнёс он.

После этого он вошёл в свою новую комнату и закрыл дверь.

Мэй не сводила глаз с дверной ручки. Слишком похожее лицо. Слишком спокойный голос. И самое главное — Дилан всё ещё находился в розыске.

— Это может быть его братом, двойником или сообщником, — мрачно сказала она.

— Или самим Диланом под иллюзией, — добавил Герард.

Из-за двери донёсся тихий звук. Чарльз что-то напевал себе под нос. Мэй сразу узнала мелодию — это была та самая мрачная композиция, которую Варфоломей когда-то играл на рояле. Она посмотрела на Валерию.

— Нужно выяснить, кто он такой, — сказала Мэй, - но осторожно. Если Чарльз связан с Диланом, он может быть здесь не случайно.

Эстер высокомерно хмыкнула на подозрения Мэй, поправляя свою белокурую косу.

— Это похоже на паранойю, Мэй, — протянула она, - давай мы не будем бросаться на каждого новенького только потому, что у него серые глаза. Предлагаю слегка подождать и понаблюдать.

— Да, она права, — тихо согласилась Валерия, бросив на Мэй извиняющийся, но твердый взгляд, - нам нужно сосредоточиться на плане с моим отцом, а не искать врагов повсюду.

Мэй промолчала, лишь плотнее закуталась в свою черную шаль. Она знала, что её интуиция редко ошибается, но спорить не стала.

Наступило время отбоя. Валерия, которая теперь почти всё время проводила со своей новой подругой, ушла ночевать в комнату к Эстер. Мэй осталась совершенно одна.

Она медленно шла по темным, ледяным коридорам жилого корпуса Статимэд. Шаги её кожаных туфель эхом отдавались от каменных стен. Вернувшись в пустую комнату номер 13, она не стала зажигать свечи. Юная ведьма подошла к окну и приоткрыла тяжелую раму.

На улице беззвучно и мягко падал первый пушистый снег. На календаре было уже третье ноября. Крупные белые хлопья медленно опускались на черные шпильки замка, укрывая мрачный мир чистым, холодным саваном. Снег ложился на подоконник, и Мэй протянула бледную руку, позволяя снежинкам таять на её коже.

Она села на край кровати, расправив складки своего черного вельветового платья. В комнате было прохладно, пахло лавандой и морозной свежестью. Из глубокого кармана Мэй медленно достала обгоревший, деформированный пламенем камина серебряный браслет Варфоломея.

Её тонкие пальцы, покрытые волдырями от недавнего ожога, болезненно заныли, когда она коснулась расплавленной фигурки летучей мыши. Мэй закрыла свои разноцветные глаза — левый зелено-карий и правый небесно-голубой — и с силой прижала изуродованное серебро к своему сердцу, прямо сквозь ткань вельветового платья.

И в этот момент её вернувшаяся магия срезонировала с металлом. Мэй почувствовала, как по её телу разливается странное, щемящее чувство. Это не был душный, насильственный приворот, который Варфоломей наложил на неё при жизни. Это была чистая, фантомная связь — отголосок той искренней, измученной любви, которую он испытывал к ней.

Ей показалось, что в морозной тишине комнаты она отчетливо услышала, как бьется его мертвое сердце — медленно, раз в минуту, где-то далеко, под слоем сырой земли у черного озера. И в её голове вновь прозвучал его тихий, печальный голос-кларнет: «Я ведь любил тебя, Мэй...»

Одинокая слеза скользнула по её бледной щеке. Мэй сжала браслет еще сильнее, чувствуя, как боль от ожога на руке смешивается с тоской в её груди. Она действительно осталась одна. Но этот обгоревший кусок серебра был её тайным сокровищем, единственным мостиком к тому, кто, несмотря на всю свою тьму, был частью её собственной души.

Вдруг за стеной, в комнате новенького Чарльза, послышался странный звук. Это было не пение и не шаги. Сквозь каменную кладку Мэй услышала... тихий, ритмичный стук. Словно кто-то мерно постукивал по полу тростью. И этот стук странным образом совпадал с фантомным биением сердца Варфоломея, которое она только что чувствовала через браслет...

Глава 3. Окутанный тьмой

Утро среды встретило Мэй ледяным безмолвием. Снег, выпавший ночью, укрыл всё вокруг ровным белым одеялом, но в душе девочки не было чистоты — лишь серая, удушливая дымка грусти и озадаченности.

Мэй вошла в класс, кутаясь в свою верную чёрную шаль. Её разноцветные глаза — левый зелено-карий и правый небесно-голубой — скользнули по партам. Валерия снова сидела с той самой Эстер. Они тихо переговаривались, и подружка даже не посмотрела в сторону Мэй. Она уже собиралась сесть одна на самую дальнюю парту, как вдруг к ней уверенно подошел новенький — Чарльз. Тот самый парень с пепельными волосами и холодными серыми глазами, который так пугающе напоминал Дилана, и он хмыкнул, отодвинул стул и сел рядом.

— Надеюсь, ты не против? — спросил он с лёгкой, немного нагловатой улыбкой.

Мэй молча покачала головой, не желая тратить силы на пререкания. Она просто положила руки на холодную парту, стараясь скрыть дрожь в обожжённых пальцах.

Чарльз подпер подбородок рукой и пристально посмотрел на её бледное лицо.

— Ты очень подозрительная, — протянул он, усмехнувшись, как Дилан, - ну очень. Постоянно молчишь, кутаешься в эту шаль... А впрочем, может, мы подружимся? Как думаешь, Раддмил?

— Нет, — ледяным, не терпящим возражений тоном отрезала Мэй, даже не повернувшись к нему.

Чарльз лишь тихонько хмыкнул, ничуть не обидевшись.

Вскоре началась история магии. Госпожа Виолетта вошла в класс, шурша своими ногами. Её злые глаза скользнули по классу и остановились на новичке. После недавнего унижения от Мэй ей нетерпелось отыграться на ком-то другом.

- О, господин Чарльз! — приторно-сладким голосом произнесла учительница, - прошу вас к доске. Расскажите нам о великих реформах некромантии восемнадцатого века.

Чарльз неохотно поднялся и пошел к доске. Но, к удивлению Мэй, он совершенно не ориентировался в теме. Он путал даты, запинаясь, переминался с ноги на ногу и выглядел на удивление глупо для парня, который владел такой подозрительной аурой. Госпожа Виолетта не упустила возможности поиздеваться. Она сурово и ядовито рассмеялась, выставив его на посмешище перед всем классом.

- Да, господин Чарльз, ваши знания так же бледны, как и ваши манеры, — хмыкнула она.

Мэй наблюдала за этим с растущим подозрением. Дилан был гением темных искусств, он знал заклинания абсолютного нуля. Чарльз же у доски казался обычным, весьма посредственным учеником. Действительно ли это был просто похожий парень, или он так искусно притворялся?

После окончания занятий Мэй быстро собрала свои вещи. Внутри неё горело непреодолимое, мучительное желание. Ей нужно было увидеть его. Смертельно нужно. Она нашла Ями в коридоре младшего крыла. Брат всё ещё смотрел на неё с упреком и обидой, избегая разговаривать.

- Ями, — тихо сказала Мэй, стараясь, чтобы её голос звучал ровно, - мне сегодня нужно съездить в поместье. Там осталась одна очень важная книга по защитным заклинаниям, она мне необходима для учебы. Я вернусь поздно.

Мальчик лишь хмуро кивнул и отвернулся, продолжая гладить подбежавшего Грэя. Он не поверил ей, но мешать не стал. Мэй поспешила к школьному таксофону. Её пальцы дро-

жали, когда она опускала монету и набирала знакомый номер поместья Клотильды. В трубке раздались долгие, гулкие гудки, отзывавшиеся ударами в её висках.

Наконец на том конце провода раздался щелчок.

— Поместье Раддмил, — прозвучал глубокий, вибрирующий и такой родной голос-кларнет.

Варфоломей сам подошел к телефону. У Мэй перехватило дыхание, а обожжённая рука в кармане платья обдала её резким теплом.

— Варфоломей... это Мэй, — прошептала она. — Я хочу приехать.

На том конце трубки воцарилась тяжелая, протяжная тишина. Мэй казалось, что она слышит его прерывистое дыхание и тихий шелест черной шали на его плечах.

— Карета будет у ворот Статимэд через час, — сухо ответил он и повесил трубку.

Юная ведьма медленно опустила ствольную трубку обратно на рычаг. Сердце в её груди бешено колотилось. Она знала, что совершает безумие, что едет навстречу своему проклятию и человеку, который открыто назвал её своей будущей «куклой». Но её ведьминская кровь и тоскующая душа были сильнее любого разума.

Через час, когда пушистый белый снег снова начал медленно опускаться на землю, к воротам замка бесшумно подкатил знакомый чёрный экипаж, управляемый молчаливым Михаэлем. Серый ноябрьский день медленно перетекал в сумерки, когда чёрный экипаж ожидал у ворот замка Статимэд.

Мэй уже собиралась подняться на подножку кареты, кутаясь в свою вельветовую шаль, как вдруг сзади послышался торопливый топот кожаных ботинок по свежему снегу. Она обернулась. К ней, задыхаясь от бега, подбежал Ями. Его щёки покраснелись от мороза, а в глазах больше не было давешней колючей злости — только тихая, детская мольба.

- Мэй... — выдохнул тринадцатилетний мальчик, - я поеду с тобой. Я не хочу оставаться здесь один.

В груди сестры словно растаял ледяной осколок. На её бледном лице впервые за эти дни появилась искренняя, тёплая улыбка. Не сдержавшись, она крепко обняла брата, вдыхая родной запах.

- Поедем, Ями. Вместе, — тихо прошептала она.

Они немедленно и уверенно сели в карету. Под мерный стук копыт по заснеженной дороге напряжение между ними окончательно растаяло. Мэй бережно сжимала здоровой рукой ладонь брата, а её обожжённые пальцы другой руки, спрятанные в кармане вельветового платья, продолжали греть обгоревший серебряный браслет.

Тем временем в поместье Клотильды происходило маленькое чудо. В запертой комнате на первом этаже Варфоломей сидел на краю кровати своей матери. В этот день Ризе внезапно стало гораздо легче. Её безумные голубые глаза прояснились, наполнившись осознанным, мягким светом. Она больше не буянила и не пыталась разорвать кожаные ремни. Риза медленно протянула свою слабую, бледную руку и нежно, с бесконечной материнской любовью погладила сына по его кудрявым тёмно-русые волосам. Её пальцы коснулись глубокой морщины на его переносице, а затем аккуратно очертили страшный шрам-крестик на лбу. Риза не стала ни о чём спрашивать. Она не спросила, откуда эти шрамы, почему его шея криво свёрнута набок и почему его кожа холодная, как лёд. Она всё почувствовала своим материнским сердцем — всю его боль, его изгнание, его смерть и его страшное возвращение.

- Сыночек... - тихо, со слезами на глазах прошептала она, продолжая гладить его кудри.

Варфоломей сидел рядом с ней, прикрыв глаза. В этот момент он казался не грозным некромантом, а маленьким, израненным мальчиком, который наконец-то нашёл покой в руках матери. Эта мимолётная нежность вернула ему силы и покой, которых ему так не хватало.

Карета остановилась у крыльца особняка. Михаэль помог детям выйти. Едва Мэй и Ями поднялись по каменным ступеням, массивная дубовая дверь отворилась. На пороге стоял Варфоломей.

— Здравствуйте, дорогие родственники! — весело и удивительно бодро произнёс он, и его глубокий голос-кларнет прозвучал чисто и приветливо, а на его губах играла мягкая улыбка. — Проходите в дом, на улице холодно.

Юная ведьма застыла, не в силах отвести от него взгляд своих разноцветных глаз. Варфоломей выглядел совсем домашним. На нём была простая белая ночная сорочка из тонкого льна, а на плечи была небрежно наброшена чёрная шаль — точно такая же, в какую куталась сама Мэй. Из-за своих кудрявых, слегка мокроватых волос после утреннего мытья он казался удивительно мягким, пушистым и... беззащитным. Лишь трость с серебряным черепом, на которую он тяжело опирался из-за своей хромоты, да криво свёрнутая набок шея напоминали о том, какая жуткая тайна скрывается за этой идиллической картиной. Мэй машинально сделала шаг через порог...

И снова, как только она оказалась рядом с ним, её ведьминская кровь бешено запела. Мощная волна любви, нежности и необъяснимого родного тепла затопила её существо. Приворот это был или её собственное израненное сердце — она больше не хотела бороться с этим. Ей безумно хотелось подойти и уткнуться лицом в его белую сорочку, обнять его пушистые кудри и никогда не отпускать. Ями же радостно улыбнулся и прошёл в холл, Грэй весело побежал за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.